Общая психология

УДК 159.9

Личностная незрелость и низкая психологическая культура как показатели ложной субъектности

Personal immaturity and low psychological culture as indicators of false personal agency

Гусейнов А.Ш., Кубанский государственный университет, AGuseinov@yandex.ru

Шиповская В.В., Кубанский государственный университет, victship@mail.ru

Guseinov A., Kuban State University, AGuseinov@yandex.ru

Shipovskaya V., Kuban State University, victship@mail

DOI: 10.51379/KPJ.2020.56.62.034

Ключевые слова: ложная субъектность, личностная зрелость, психологическая культура, темная триада, неклиническая психопатия, субъектная активность, структурное моделирование, путевой анализ.

Keywords: false personal agency, personal maturity, psychological culture, dark triad, non-clinical psychopathy, subjective activity, structural modeling, path analysis.

Аннотация. Феномен ложной субъектности рассматривается как концептуально полярный по отношению к истинной субъектности и представляет малоисследованный аспект психологии субъекта. Соответственно, возникает интерес к понятию, проявлениям, специфике содержания этого феномена и факторам, его обуславливающим. Актуальность работы состоит также в том, что в условиях кардинальных изменений реальности необходимо изучать факторы, которые способствуют трансформации субъектной активности – сдвига в сторону социально опасного поведения. Цель исследования: выявление показателей ложной субъектности личности.

Авторами доказано, что психопатию обуславливают, с одной стороны, затруднения в социализации, черствость и нежелание считаться с другими людьми, низкий показатель психологической культуры в целом; с другой – выраженная сила Эго – способность к достижению целей и доминированию. Делается вывод о том, что проявления ложной субъектности связаны с внутренней противоречивостью, дефицитом личностной зрелости и психологической культуры, которые не позволяют формировать и поддерживать аутентичность бытия и обеспечивать реализацию конструктивной субъектной активности личности.

Abstract. The phenomenon of false personal agency is viewed as conceptually polar with respect to true personal agency and represents an underexamined aspect of the subject psychology. Accordingly, there is an interest in the concept, manifestations, specifics of the content of this phenomenon and the factors that determine it. The relevance of the work also lies in the fact that in conditions of fundamental changes in reality, it is necessary to study the factors that contribute to the transformation of subjective activity – a shift towards socially dangerous behavior. The purpose of the study is identification of indicators of false personal agency of the personality.

It has been proved that psychopathy is caused, on the one hand, by difficulties in socialization, callousness and unwillingness to reckon with other people, a low indicator of psychological culture in general, and on the other hand, the conspicuous ego strength, i. e. the ability to achieve goals and dominate. It is concluded that the manifestations of false personal agency are associated with internal contradictions, a lack of personal maturity and psychological culture, which do not allow forming the authenticity of being and ensuring the implementation of constructive subjective activity of the personality.

Введение. Социальная нестабильность и непредсказуемость современного мира требуют от человека личностной зрелости и способности к преодолевающей активности, позволяющих

достигать значимых целей в сложных условиях неопределенности [11]. Однако фиксация на собственных интересах и успехе при недостаточной развитости нравственных чувств и

утрате субъектной позиции порождает многочисленные личностные деструкции [2;7;13]. В условиях кардинальных социокультурных изменений, подвергающих человека интенсивной антропологической динамике, необходимо изучать не только идеальные модели совершенствования человека, но и факторы, которые способствуют трансформации субъектной активности – сдвига в сторону социально опасного поведения. Такой подход позволит понять конкретного человека как динамичного субъекта исторического процесса, постоянно находящегося в процессе становления, даст возможность раскрыть индивидуальные траектории личностного развития. Изучение феномена ложной субъектности является профилактическим направлением противодействия всевозможным личностным и социальным деструкциям.

В наших предшествующих работах [4;5;11] показано, что в основе конструктивной субъектной активности личности, которая позволяет формировать и поддерживать аутентичность бытия на разных этапах жизненного пути, лежит социальная ответственность, направленность к преодолевающей активности, связанной с трансцендированием и преобразованием наличной ситуации и прогнозируемых возможных событий. Аутентичными могут считаться субъекты, обладающие, прежде всего, нравственной зрелостью, стойкостью и активной субъектной позицией – качествами, которые обеспечивают гуманистические формы расширения личностной бытийности. Именно с дефицитом этих качеств и связано большинство проявлений ложной субъектности.

Понятие «ложная субъектность» в полном смысле слова относится к той категории людей, которые конструируют способ бытия, в структуру которого не вписываются морально-этические нормы общества. В работе [3] истинная/ложная субъектность выделена в качестве одного из основных дифференцирующих признаков конструктивных/деструктивных протестных форм, различия в которых обусловлены спецификой ориентации личности – субъектной или объектной, которая находится в прямой зависимости от ценностно-смысловых ориентаций личности. Доказано, что существуют деструктивные формы протестной активности личности, обладающие признаками *ложной субъектности*: отчужденная субъектная активность; сниженный уровень саморегуляции; девальвация ценностей жизни; невротический жизненный стиль с ложным «Я»;

дисгармоничность побуждений и возможностей; разрыв между инициативами и ответственностью; антигуманистические способы экспансии личностного масштаба; низкая толерантность к неопределенности; равнодушие, конформизм, отношение к окружающим как к объектам, достойным манипуляции; неспособность испытывать чувство вины. Отмеченные сущностные признаки ложной субъектности как явления не только раскрывают глубокую деформацию когнитивной, аффективной и конативной сфер личности, но и указывают на пассивность субъектной позиции и, по сути, полную утрату аутентичности. Рассмотренные аспекты конструкта ложной субъектности показывают их тесную взаимосвязь и взаимовлияние.

Дальнейшие исследования привели нас к выводу о массовом характере и многоликости ложной субъектности. Этот потенциально опасный феномен, который релевантен для современного мира и является поведенческим и духовным антагонистом истинной субъектности, типичен на всех уровнях социальной структуры общества. Проникая в разные сферы жизнедеятельности человека (политика, спорт, образование, профессиональная сфера и пр.) и проецируясь на сферу межличностных отношений, он является фактором социальной нестабильности, поскольку выводит на ложный путь и ограничивает принятие действенных мер по решению актуальных социальных проблем. Ложная субъектность находит отражение в кентавр-процессах – ложных выводах и отказе от поиска адекватного, научно-обоснованного решения актуальных проблем [10]. Этот феномен проявляет себя в самом разнообразном обличье – в имитации деятельности, осознанном или неосознанном искажении и приукрашивании фактов, преувеличении своих заслуг, цинизме; выраженным желанием обвинять окружающих; ограниченности мышления – склонности мыслить по принципу линейности развития, не вычленяя противоречий; в намеренной стимуляции и использовании событий в корыстных целях, чтобы найти им заранее намеченное выгодное для себя применение.

Мы также обратили внимание на феномен флуктуаций субъектности – динамический процесс взаимоперехода от одного модуса бытия личности к другому, в сочетании с трансформацией субъектной позиции, изменения ее вектора в сторону истинной или ложной субъектности, что подтверждает неоднородность и неравномерность жизненного пути человека. Особой «точкой бифуркации», порождающей

сдвиги субъектности, обуславливающей взаимопереход модусов бытия, является экзистенциальный выбор, определяющий вектор субъектной активности и направление жизненного пути на определенном этапе онтогенеза [14].

Разнообразные формы нежелательных социальных проявлений ложной субъектности не ограничиваются явлениями, которые можно описать только с помощью линейной шкалы *норма – патология*. Деструктивная субъектная активность как следствие ложной субъектности включает широкий континуум: от беспомощности до негативизма, враждебности и асоциального поведения (вплоть до радикальной протестной активности), т.е. феномены которые направляют личностный выбор и порождают изменения в субъектном позиционировании личности [12;13;21].

К числу проявлений деструктивной субъектной активности можно отнести феномен *неклинической психопатии*, рассматриваемый в рамках синдрома «Темная триада». «Психотическая личность» (не патологическая) характеризуется Г. Айзенком как эгоистическая, бесстрастная, неконтактная [1]. В современных исследованиях обнаружено, что для лиц с высокими показателями психопатии характерны пониженная эмпатия, эмоциональная холодность, подозрительность и недобросовестность, безответственность и безрассудность. Они агрессивны, импульсивны, враждебно настроены к миру, эгоцентричны, склонны к спорам, обману и манипуляциям, ищут острых ощущений [7;9;17;19;20]. Лица с психопатическими чертами не склонны задаваться вопросами относительно нравственности и аутентичности своего бытия, в связи с чем, про таких людей говорят, что у них «нет совести». Они создают конфликтные, негармоничные межличностные отношения, которые resultируют в неудовлетворенность жизнью. Конфронтационное общение, чувство внутренней дисгармонии, неудовлетворённость жизнью указывают на высокий уровень противоречий.

Психопатия, на наш взгляд, это не просто неадекватность поведения и его «токсичная» черта; это – прежде всего личностная позиция отчужденности и внутреннее отнесение себя к морали вседозволенности и безнаказанности. Внешняя детерминация поведения становится императивом для психопатической личности, возникает *механизм искажений*, проявляющийся в подмене нравственных ценностей, нереалистичном и неопределенном представлении человека о самом себе и

последующей инверсии поведения [2]. При этом у психопатической личности «выключаются» механизмы системной, многогранной рефлексии, позволяющей в ценностно-смысловом аспекте выделить, осмыслить и трансцендировать наличную ситуацию. Невозможность сформировать ценностно-смысловой фундамент конкретной ситуации приводит к тому, что доминантой становится представление о собственном всемогуществе, самовосхваление, на фоне умаления роли и значимости Другого. В соответствии с реализуемой деструктивной моделью жизни, зависящие от психопатической личности лица (особенно подчиненные), рассматриваются как средства для достижения собственных целей, а контроль, унижение и безжалостная *манипуляция* становятся главными инструментами влияния. Неудивительно, что бизнес-карьеры людей с высоким уровнем неклинической психопатии, предпочитающие способы жесткого соответствия конкретной ситуации в каждый момент времени, могут быть успешными. Также становится понятным, почему коллеги считают их «змеями в костюмах» [15]. Лица, сконцентрированные на иллюзии своей исключительности, находятся в непрекращающемся, постоянном поиске компенсации, которая может проявляться в разных извращенных формах. Такая неаутентичная позиция по отношению к коллегам свидетельствует еще и о профессиональном маргинализме – при внешней формальной причастности к профессии внутренняя непринадлежность к профессиональной этике, которая не позволяет действовать во благо общества. Более того, сверхценные идеи «фанатиков дела» часто оказываются настолько опасными для общества, что «если эти люди остаются в профессии, то в психологическом плане и по стилю поведения они становятся "сектантами"» [8, с.52]. В этом и состоит различие между механическим следованием социальным нормам, которое создает лишь иллюзию адекватного поведения, и творческим самоосуществлением как аутентичным откликом на все происходящее в обществе, предполагающим доверие к себе и к миру, а также ответственность в межличностных отношениях. Таким образом, ложная субъектность проистекает из системных противоречий между: потребностью в личной власти, переходящей в самоуправство и уклонением от личной ответственности; большими статусными притязаниями и малопродуктивной деятельностью; снижением самокритичности и чрезмерной, доходящей до

жестокости, требовательностью к Другим. Базовое противоречие – между бытием и должествованием. Ложная субъектность, понижающая способность к разрешению разноуровневых противоречий и повышающая вероятность маргинализации профессионального бытия, нарушает баланс в системных позициях «личность-личность», «личность – общество».

Цель исследования заключалась в выявлении показателей ложной субъектности. Мы предположили, что низкий уровень психологической культуры и личностная незрелость могут оказывать влияние на формирование психопатической личности, обладающей качествами ложной субъектности.

Исследуемые и методика. Характеристика выборки. В исследовании приняли участие жители г. Краснодара в возрасте от 16 до 38 лет $M = 25,6$; $SD = 4,51$. Объем выборки $N = 35$; мужчины – 37%, женщины – 63%.

Методический инструментарий представлен методиками: «Психосоциальная зрелость личности» (Б.К. Пашнев); «Психологическая культура личности» (О.И. Мотков); Короткий опросник «Темная триада личности» Д. Джонса и Д. Полхуса (адаптация М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой) [6;18].

Методы статистической обработки данных. Статистический анализ данных проводился с использованием следующих методов: регрессионный анализ, структурное моделирование (путевой анализ) [22]. Программное обеспечение включало статистические пакеты IBM SPSS 21.0, AMOS 23.

Результаты исследования. Для анализа влияния предикторов на показатели *психопатии* использован линейный регрессионный анализ (ЛРА). Подвергнуты анализу несколько значимых моделей ЛРА. В качестве зависимой переменной в ЛРА использована шкала «Психопатия» опросника «Темная триада личности». Независимыми переменными в регрессионных моделях выступили шкалы методик: «Психологическая зрелость» Б.К. Пашнева, «Психологическая культура личности» О.И. Моткова. Установлено несколько значимых регрессионных моделей с полностью значимыми предикторами.

Рассмотрим регрессионную модель 1. Индекс модели: Психопатия = 4,225 (Константа) – 0,058 Психологическая культура в целом. Основные статистики регрессионной модели 2: $R = 0,548$; $R^2 = 0,301$; $F(1,33) = 141,177$ $p = 0,00001$. Модель значима. *Психологическая культура в целом* (индекс методики «Психологическая культура

личности») обуславливает 30% вариации *психопатии*.

Проанализируем регрессионную модель 2. Индекс модели: Психопатия = 4,357 (Константа) + 1,148 Сила Эго – 2,216 Социализация – 0,358 ОС Развития. Статистики модели 2: $R = 0,752$; $R^2 = 0,573$; $F(3,31) = 13,86$; $p = 0,00001$. Модель значима. *Осуществленное стремление к развитию* (шкала методики «Психологическая культура личности»), *сила Эго* и *социализация* (шкалы методики психологической зрелости) определяют 57% вариации *психопатии*.

Проанализируем регрессионную модель 3. Индекс модели: Психопатия = 4,673 (Константа) + 0,160 Сила Эго – 0,225 Социализация – 0,480 Психологическая культура в целом. Статистики модели 3: $R = 0,731$; $R^2 = 0,534$; $F(3,31) = 11,853$; $p = 0,00001$. Модель значима. *Психологическая культура в целом*, *сила Эго* и *социализация* обуславливают 53% дисперсии *психопатии*.

Вычислим регрессионную модель 4. Индекс: Психопатия = 4,802 (Константа) – 0,160 Саморегуляция – 0,199 Психологические защиты. Статистики модели 4: $R = 0,699$; $R^2 = 0,448$; $F(2,32) = 12,996$; $p = 0,0001$. Модель значима. Шкалы *саморегуляция* (методика психологическая культура личности) и *психологическая защита* (методика психологическая зрелость) обеспечивают 44% вариации *психопатии*. С целью более точного определения структуры и направленности траекторий влияния предикторов, определяющих психопатию, использован путевой анализ переменных (ПА). Проанализировано более 10 моделей ПА, в данном исследовании представлена модель, наиболее соответствующая данным, см. рисунок 1.

На рисунке 1 отражен паттерн влияния экзогенной переменной индекса психологической культуры (Культура в целом) на экзогенную переменную – психопатию, при этом сила Эго и социализация выступают как в качестве эндогенных, так и экзогенных переменных. Приведем базовые характеристики модели путевого анализа. Модель ПА значима: Хи-квадрат = 0,692, при $df = 1$, $p = 0,405$. Ее индексы следующие: RMSEA (Среднеквадратичная ошибка аппроксимации) = 0,000; SRMR (Стандартизованный среднеквадратичный остаток) = 0,0449; GFI (Индекс качества соответствия) = 0,990; CFI (Сравнительный индекс пригодности) = 1,000; NFI (Нормированный индекс пригодности) = 0,982. Информационные критерии BIC и CAIC превышают необходимую разность в 2 балла между исследуемой и полной моделью [16]. Таким образом, модель вполне соответствует данным и достаточно экономична.

Представленная путевая модель позволяет раскрыть суть констелляции предикторов и

медиаторов, определяющих психопатию как показатель ложной субъектности.

Рисунок 1. – Диаграмма путей для показателей психологической культуры, личностной зрелости и психопатии

Рассмотрим *прямые эффекты* воздействия предикторов на *психопатию*, являющуюся зависимой переменной. Из данных путевого анализа следует, что *индекс психологической культуры* ($\beta = -0,355$) и *шкала социализации* методики психосоциальной зрелости ($\beta = -0,672$) оказывают непосредственное негативное влияние на показатели *психопатии*. Параметр *сила Эго* дает положительное директивное воздействие на *психопатию* ($\beta = 0,337$). Прямые эффекты других переменных положительны: *индекс культуры в целом* влияет на *силу Эго* ($\beta = 0,439$) и *сила Эго* обуславливает *социализацию* ($\beta = 0,324$).

Проанализируем *эффекты непрямого влияния* в путевой модели. Посредством медиационного влияния *социализации* шкала *сила Эго* оказывает заметное негативное влияние на *психопатию* ($-0,218$). Медиация *силы Эго* на влияние *культуры в целом* на *социализацию* невелика ($0,142$). Стандартизированный не прямой эффект воздействия *культуры в целом* на *психопатию*, с учетом влияния других факторов, незначителен ($0,052$).

Обсуждение результатов. Анализ значимых регрессионных моделей свидетельствует о том, что предикторы шкал методик «Психологическая культура личности» и «Психологическая зрелость» определяют 44% до 57% вариации психопатии. Это говорит о том, что более 50% черт психопатической личности обусловлены сниженной способностью к саморегуляции, несдержанностью, низкой рефлексией, неспособностью к адекватному самопониманию и

пониманию окружающих. В обобщенном виде результат путевого анализа предикторов, обуславливающих психопатию, можно представить так: *психологическая культура* непосредственно влияет на показатели *психопатии* и *силу Эго* (шкалу личностной зрелости) и *низкая личностная зрелость* (проявляемая в шкалах *сила Эго* и *социализация*) обуславливает *психопатию*.

Психопатия определяется посредством влияния трех предикторов: отрицательное влияние *Социализации* как шкалы личностной зрелости и *Психологической культуры* и положительная детерминация *Силы Эго*. Следует отметить, что *психологическая культура* позитивно влияет на *Силу Эго*; а *Сила Эго*, в свою очередь, детерминирует *социализацию*, но сила данного воздействия невелика. Негативные показатели *психологической культуры*, выявленные у *психопатической личности*, определяются как отсутствие стремлений к новому и творчеству; низкий уровень саморазвития, самоанализа и рефлексии, психической саморегуляции и самоконтроля; *неспособность конструктивно общаться*. Отрицательному вектору шкалы *социализации* методики личностной зрелости соответствуют обнаруживаемые у *психопатической личности* черты: *безучастие, бесчувственность, эгоизм; непонимание, недоверие и пренебрежительное отношение к другим; высокомерие, завистливость, злопамятность и недовольство*. Положительные показатели шкалы *сила Эго*

методики личностной зрелости, проявляющиеся у *психопатической личности*, могут быть охарактеризованы следующими чертами: невозмутимость, оптимизм, невосприимчивость к критике, самостоятельность; но им также соответствует безучастие, бесчувственность. Таким образом, несмотря на разные знаки предикторов, определяющих психопатию, общим «коммуникативным компонентом» психопатической личности является нежелание выстраивать конструктивный диалог, бесчувственность и недовольство. Второй вектор, «эргический компонент» в структуре психопатической личности определяется комплексом качеств, позволяющих ставить цели и достигать их. Соответственно, низкий уровень развития самосознания, самоконтроля, нежелание выстраивать конструктивное общение, бесчувственность, на фоне стремления к достижению результата любой ценой формируют симптомокомплекс личностных черт, который описан нами как *ложная субъектность*. Данный симптомокомплекс свидетельствует об отчужденной субъектной активности, высоком уровне противоречий и неспособности их конструктивно разрешать в силу дефицита личностной зрелости и психологической культуры.

Выводы.

1. Низкая психологическая культура в целом и слабые показатели социализации как параметра личностной незрелости определяют психопатические проявления. Показатель индекса психологической культуры оказывает значимое

влияние на силу Эго; а сила Эго, в свою очередь, детерминирует психопатию.

2. Гипотеза о том, что низкая психологическая культура и личностная незрелость могут формировать черты психопатической личности, подтвердилась. Характер влияния предикторов в изученных регрессионных уравнениях свидетельствует о том, что самой шкале психопатии имплицитно присущи качества, включающие и манипулятивность и, отчасти, нарциссизм. Таким образом, шкала психопатия, вероятно, является главным элементом конструкта «темной триады», в совокупности определяющей качества ложной субъектности. Ложная субъектность проистекает из системных противоречий между: низким уровнем развития рефлексии, самоконтроля, коммуникативного потенциала и стремлением к достижению результата; потребностью в личной власти, переходящей в самоуправство и уклонением от личной ответственности; большими статусными притязаниями и малопродуктивной деятельностью; снижением самокритичности и чрезмерной, доходящей до жестокости, требовательностью к Другим.

3. В контексте субъектно-бытийной методологии конструкт ложной субъектности предстает как процесс, неразрывно связанный с комплексом бытийных противоречий, утратой субъектной позиции и отказом от экзистенциального самоопределения, обуславливающих деструктивный вектор субъектной активности личности.

Литература:

- Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. - СПб.: Питер, 2002.
- Гусейнов А.Ш. Искажение нравственных ценностей как ключевой фактор экстремистских установок молодежи / А.Ш. Гусейнов // Материалы VIII Всеросс. науч. сем. «Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков в экспертно-психологических исследованиях» / Минобр. РФ; Соч. гос. ун-т; Соц.-пед. ф-т СГУ; ред. З.И. Рябикиной, Г.Ю. Фоменко, Ю.Э. Макаревич. Соч.: СГУ, 2018. - С. 14-17.
- Гусейнов А.Ш. Проявления субъектности в формах протестной активности личности / А.Ш. Гусейнов // Казанский педагогический журнал. - 2015. - № 5. - С. 148-151.
- Гусейнов А.Ш. Психологическая культура как потенциал субъектности личности тренера / А.Ш. Гусейнов, В.В. Шиповская, Н.В. Жигунова // Физическая культура, спорт - наука и практика. - 2018. - № 2. - С. 102-109.
- Гусейнов А.Ш., Шиповская В.В. Психосоциальная зрелость в контексте преодоления трудных ситуаций и предупреждения личностных деструкций / А.Ш. Гусейнов, В.В. Шиповская // Казанский педагогический журнал. - 2019. - № 3. - С. 171-177.
- Егорова М.С. Адаптация Короткого опросника Темной триады / М.С. Егорова, М.А. Сипникова, О.В. Паршикова // Психологические исследования. - 2015. - Т. 8. - № 43. - С. 1.
- Егорова М.С., Сипникова М.А. Темная триада / М.С. Егорова, М.А. Сипникова // Психологические исследования. - 2014. - Т. 7. - № 38. - С. 12.
- Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) / Е.П. Ермолаева // Психологический журнал. - 2001. - Т. 22. - № 4. - С. 51-59.
- Корнилова Т.В. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» / Т.В. Корнилова, С.А.

Корнилов, М.А. Чумакова, М.С. Талмач // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 2. – С. 99–112.

10. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа / Ж.Т. Тощенко. – М.: Новый хронограф, 2011. – 552 с.

11. Шиповская В.В. Преодолевающая активность личности в процессе самоопределения и поиска аутентичного бытия / В.В. Шиповская // Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (с ин. уч.) «Личностная идентичность: вызовы современности»; под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт психологии РАН, 2014. – С. 91–93.

12. Шиповская В.В., Гусейнов А.Ш. Личностная беспомощность как фактор виктимизации субъекта / В.В. Шиповская, А.Ш. Гусейнов // Международный научный журнал «Общество: социология, психология, педагогика». – 2018. – № 12. – С. 137–140.

13. Шиповская В.В., Гусейнов А.Ш. Личностные предикторы враждебности: субъектно-бытийная интерпретация / В.В. Шиповская, А.Ш. Гусейнов // Гуманизация образования. – 2019. – № 6. – С. 109–124.

14. Шиповская В.В., Гусейнов А.Ш. Флуктуации субъектности в динамике конструирования индивидуального бытия / В.В. Шиповская, А.Ш. Гусейнов // VII Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии:

материалы сообщений; ред. Д.А. Леонтьева, А.Х. Фам. – М.: Смысл. – 2019. – С. 86–89.

15. Babiak P., Hare R. Snakes in suits: When psychopaths go to work. New York: Regan Books, 2006. – 355 p.

16. Bentler P.M. Comparative fit indexes in structural models. Psychological Bulletin, 1990, (107), pp. 238–246.

17. Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L. The Dark Triad of personality: A 10 year review. Social and Personality Psychology Compass, 2013, 7(3), 199–216.

18. Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the short Dark Triad (SD3): a brief measure of dark personality traits. Assessment. 2014 Feb; 21(1):28–41.

19. Lilienfeld S.O., Andrews B.P. Development and preliminary validation of a self-report measure of psychopathic personality traits in noncriminal population. Journal of personality assessment, 1996, 66(3), 488–524.

20. Malterer M.B., Glass S.J., Newman J.P. Psychopathy and trait emotional intelligence. Personality and Individual Differences, 2008, 44(3), 735–745.

21. Monahan K.C., Steinberg L., Cauffman E., Mulvey E. Trajectories of antisocial behavior and psychosocial maturity from adolescence to young adulthood // Developmental Psychology, 2009. 45(6):1654–1668.

22. Raykov T., Marcoulides G.A. A first course in structural equation modeling. 2nd ed. / Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006, 238 p.

References:

1. Burlachuk L.F., Morozov S.M. Dictionary-reference book on psychodiagnostics / L.F. Burlachuk, S.M. Morozov. – Ed. 2nd, rev. and add. – SPb.: Peter, 2002.

2. Guseynov A. Sh. Distortion of moral values as a key factor in the youth extremist attitudes / A. Sh. Guseynov // Materials of the VIII All-Russian scientific seminar "Psychology of safety and psychological safety: problems of interaction between theorists and practitioners in expert psychological research" / Ministry of Education. RF; Op. state un-t; Social-ped. Faculty of SSU; ed. Z.I. Ryabikina, G.Yu. Fomenko, Yu.E. Makarevskaya. Sochi: SSU, 2018. – S. 14–17.

3. Guseynov A. Sh. Manifestations of subjectivity in the forms of protest activity of the personality / A. Sh. Guseynov // Kazan Pedagogical Journal. – 2015. – № 5. – S. 148–151.

4. Guseynov A. Sh. Psychological culture as the potential of personality subjectivity of the trainer / A. Sh. Guseynov, V.V. Shipovskaya, N.V. Zhigunova // Physical culture, sport - science and practice. – 2018. – № 2. – S. 102–109.

5. Guseynov A. Sh., Shipovskaya V.V. Psychosocial maturity in the context of overcoming difficult situations and preventing personal destructions / A. Sh. Guseynov, V.V. Shipovskaya // Kazan Pedagogical Journal. – 2019. – № 3. – S. 171–177.

6. Egorova M.S. Adoption of the Short Questionnaire of the Dark Triad / M.S. Egorova, M.A. Sitnikova, O.V. Parshikova // Psychological research. – 2015. – Т. 8. – № 43. – P. 1.

7. Egorova M.S., Sitnikova M.A. The Dark Triad / M.S. Egorova, M.A. Sitnikova // Psychological research. – 2014. – Т. 7. – № 38. – P. 12.

8. Ermolaeva E.P. Professional identity and marginalism: concept and reality (article one) / E.P. Ermolaeva // Psychological journal. – 2001. – Т. 22. – № 4. – P. 51–59.

9. Kornilova T.V. Methodic for the diagnostics of personality traits of the "Dark Triad": testing the questionnaire "The Dark Dozen" / T.V. Kornilova, S.A. Kornilov, M.A. Chumakova, M.S. Talmach // Psychological journal. – 2015. – Т. 36. – № 2. – P. 99–112.

10. Toshchenko Zh. T. Centaur problem. Experience of philosophical and sociological analysis / Zh. T. Toshchenko. – М.: New chronograph, 2011. – 552 p.

11. Shipovskaya V.V. Overcoming personality activity in the process of self-determination and search for authentic life / V.V. Shipovskaya // Materials of the All-Russian scientific-practical conf. (with in. uch.) "Personal identity: modern challenges"; ed. Z.I. Ryabikina and V.V. Znakova. – Maykop: Adyghe state. un-t; Krasnodar: Kuban State un-t; M.: Institute of Psychology RAS, 2014. – S. 91–93.

12. Shipovskaya V.V., Guseynov A. Sh. Personal helplessness as a factor of victimization of the subject / V.V. Shipovskaya, A. Sh. Guseynov // International scientific journal "Society: Sociology, Psychology, Pedagogy". – 2018. – № 12. – P. 137–140.

13. Shipovskaya V.V., Guseynov A. Sh. Personal predictors of hostility: subjective-existential interpretation / V.V. Shipovskaya, A. Sh. Guseynov // Humanization of education. – 2019. – № 6. – P. 109–124.

14. Shipovskaya V.V., Guseinov A. Sh. Fluctuations of Subjectivity in the Dynamics of the Construction of Individual Being / V.V. Shipovskaya, A.Sh. Huseynov // VII All-Russian scientific-practical conference on existential psychology: materials of messages; ed. YES. Leontiev, A.Kh. Fam. - M.: Meaning. - 2019. - S. 86-89.

15. Babiak P., Hare R. Snakes in suits: When psychopaths go to work. New York: Regan Books, 2006. 355 p.

16. Bentler P.M. Comparative fit indexes in structural models. Psychological Bulletin, 1990, (107), pp. 238–246.

17. Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L. The Dark Triad of personality: A 10 year review. Social and Personality Psychology Compass, 2013, 7(3), 199–216.

18. Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the short Dark Triad (SD3): a brief measure of dark personality traits. Assessment. 2014 Feb; 21(1):28-41.

19. Lilienfeld S.O., Andrews B.P. Development and preliminary validation of a self-report measure of psychopathic personality traits in noncriminal population. Journal of personality assessment, 1996, 66(3), 488–524.

20. Malterer M.B., Glass S.J., Newman J.P. Psychopathy and trait emotional intelligence. Personality and Individual Differences, 2008, 44(3), 735–745.

21. Monahan K.C., Steinberg L., Cauffman E., Mulvey E. Trajectories of antisocial behavior and psychosocial maturity from adolescence to young adulthood // Developmental Psychology, 2009. 45(6):1654–1668.

22. Raykov T., Marcoulides G.A. A first course in structural equation modeling. 2nd ed. / Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006, 238 p.

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Сведения об авторах

Гусейнов Александр Шамильевич (г. Краснодар, Россия), доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета.

Шиповская Виктория Владимировна (г. Краснодар, Россия), кандидат психологических наук, докторант Кубанского государственного университета.